МИФОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В КОНСТРУИРОВАНИИ ОБРАЗА ГОРОДА И ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Н. И. Мартишина

Сибирский государственный университет путей сообщения,
Новосибирск, Россия
nmartishina@yandex.ru

Статья посвящена особенностям конструирования городской идентичности в быстро растущем российском мегаполисе. В анализе процессов социального конструирования образа города и городской идентичности автор опирается на эпистемологическую концепцию многообразия видов познания. В рамках данной концепции религия, мифология, художественное творчество и др. рассматриваются как различные логические системы, использующие специфические способы представления и обработки информации, и признается наличие у каждого из рассматриваемых видов познания собственных, не замещаемых полностью другими видами функций в совокупном познавательном процессе. В результате предметом анализа становится процесс соединения и переплетения обыденного опыта и научной информации, мифологем и идеологических установок, художественных представлений и философских обобщений при конструировании сложных гносеологических образов, таких как образ города. Закономерность присутствия мифологического компонента в конструировании образа города и городской идентичности обусловлена тем, что характерные для мифа когнитивные схемы решают некоторые из возникающих в таком конструировании задач более эффективно по сравнению с рациональными формами мышления. Первоочередное значение в этом плане имеет, во-первых, антропоморфный характер мифологической репрезентации, что позволяет персонифицировать образ объекта и сделать тем самым более личностным отношение к нему; во-вторых, присущий мифу прецедентный детерминизм, в рамках которого социальные факты объясняются произошедшими в прошлом уникальными событиями, сформировавшими ту или иную традицию, что дает возможность конструировать объяснения при недоступности иных оснований; в-третьих, особая смысловая нагруженность процедуры именования в мифологическом мышлении, предполагающая в том числе возможность изменить статус и судьбу объекта путем изменения его имени, что также востребовано в условиях нехватки или неясности иных, более прагматичных способов изменения социальной реальности. Функциональная дополнительность видов познания отчетливо проявляется в ситуации недостаточности объективных оснований образа «своего города». В городах с давней историей и сложившимися культурными традициями либо с яркими отличительными особенностями климата, окружающей природы, местоположения конструирование образа города опирается на объективные характери-

ки, и в нем велика роль научных (исторических, культурологических) знаний, а также художественного компонента. В отсутствие подобных ярко выделяющих и маркирующих город черт происходит усиление внерациональной, в том числе мифологической составляющей его образа. Именно такое смещение характерно для Новосибирска – относительно молодого техногенного мегаполиса. Мифологизация его образа как в массовом сознании горожан, так и в официальной риторике проявляется в персонификации момента возникновения города посредством усиления фигуры демиурга – личности, создающей по собственной воле и самостоятельным решением город как новый социальный мир; в целенаправленном создании знаковых мест с последующим приписыванием им истории (аналог мифологического прецедента); в формировании традиции сохранения всех исторических названий при именовании улиц с целью создать эффект «глубины истории».

Ключевые слова: современная мифология, образ города, городская идентичность, социальное конструирование, виды познания

A MYTHOLOGICAL COMPONENT IN THE CONSTRUCTION OF THE IMAGE OF THE CITY AND URBAN IDENTITY

Natalya I. Martishina

Siberian Transport University, Novosibirsk, Russia
nmartishina@yandex.ru

The article is devoted to the peculiarities of constructing urban identity in the rapidly growing Russian metropolis. The author analyzes the social construction of the image of the city and urban identity based on the epistemological concept of the diversity of types of cognition. In the framework of this concept, religion, mythology, art, etc. are considered as various logical systems that use specific methods of presenting and processing information; moreover, each of the types of cognition has its own, not completely replaced by other types, functions in the overall cognitive process. As a result, we see the combining and interweaving of everyday experience and scientific information, mythologies and ideological attitudes, artistic representations and philosophical generalizations in the construction of complex epistemological images such as the image of the city. The regularity of the presence of a mythological component in the construction of the image of the city and urban identity is related to the fact that some cognitive patterns of the myth solve some problems arising in this construction more efficiently than the rational forms of thinking. The most important of these mythological schemes are: (1) the anthropomorphic nature of mythological representation, which allows personifying the image of the object and thereby creating a human attitude to it; (2) the case determinism:

the myth explains social facts by unique events that have occurred in the past and have shaped this or that tradition. The case determinism makes it possible to construct explanations when other grounds are unavailable; (3) the special semantic load of the naming procedure in mythological thinking, which includes, among other things, the ability to change the status and fate of an object by changing its name. This scheme is also in demand in conditions of lack or obscurity of other, more pragmatic ways of changing social reality. The functional complementarity of the types of cognition clearly manifests itself in a situation of a shortage of objective grounds for the image of “my city”. In cities with a long history and prevailing cultural traditions or with special distinctive features of the climate, nature, location, the construction of the image of the city is based on objective characteristics, and the scientific (historical, cultural) knowledge, as well as the artistic component, dominates in it. In the absence of features that clearly mark the city, the non-rational, including mythological, component of the image of the city increases. We can trace this trend by example of Novosibirsk – a relatively young technological metropolis. The mythological component in the image of the city is strong both in the mass consciousness of the citizens and in official rhetoric. The main mythological schemes in the construction of the image of Novosibirsk are the personification of the moment of the emergence of the city by strengthening of the figure of the demiurge – a person who creates the city as a new social world by his own free will and independent decision; the purposeful creation of iconic places with the subsequent attribution of history to them (an analogue of a mythological precedent); the formation of the tradition of preserving all historical names when naming streets in order to create the effect of “depth of history”.

Keywords: modern mythology, image of city, urban identity, social construction, types of cognition.

DOI 10.23951/2312-7899-2020-3-168-178

Среди современных эпистемологических концепций, идеи которых могут быть эффективно использованы для изучения процессов социального конструирования, одно из ведущих мест занимает концепция многообразия видов познания. Если теория социального конструирования предполагает исследование как социокультурных условий, так и используемых средств формирования идей в социальном контексте и детерминацию самих идей тем и другим, то указанная концепция дает возможность систематизации средств конструирования и соответствующих им эпистемических результатов. В рамках концепции многообразия религия, мифология, художественное творчество и др. предстают наряду с обыденным и на-

учным познанием не только как формы общественного сознания, но и как определенные логические системы, использующие специфические способы представления и обработки информации. «Гносеологический плюрализм кладет в основу теории познания представления о существовании множества равноправных, независимых друг от друга форм и источников знания, функционирующих по своим собственным законам и воплощающихся во взаимоисключающих (несоизмеримых) картинах мира» [Ильин, Кураев 2009, 701]. При этом в отличие от традиционного иерархического подхода, оценивающего виды познания в зависимости от их объективности и достоверности и ожидавшего возрастания степени научности познания в целом и постепенного вытеснения из массового сознания, по крайней мере, наиболее архаичных логических схем, эпистемологический плюрализм в его современном варианте склонен скорее к признанию наличия у каждого из рассматриваемых видов познания собственных функций в совокупном познавательном процессе и невозможности полного замещения любого из них остальными в выполнении этих функций.

Последний тезис позволяет также предположить, что образ любого достаточно значимого объекта, играющего заметную роль не только в теоретических построениях, но и в реальном социальном бытии, вообще не может быть выстроен без использования когнитивных средств различных видов познания: действительно важный гносеологический образ многофункционален, и разные функции обеспечиваются его составляющими различного генезиса. Даже чисто научные конструкторы, входя в массовое сознание, обрастают дополнительными вненаучными коннотациями – так произошло, например, с теорией относительности, окруженной сегодня целым спектром мифологем и художественных интерпретаций. А такие сложные гносеологические образы, как видение города в качестве собственного жизненного мира, становятся комбинацией представлений, создаваемых с необходимостью средствами дополняющих друг друга познавательных систем.

Конструирование человеком собственной идентичности – гендерной, национальной, региональной – с этой точки зрения складывается из собственной рефлексии над обыденным опытом и воспринимаемых социальных стереотипов, научных знаний (например, о гендерной психологии или национальной истории) и художественных воплощений (например, образов настоящего мужчины или истинного сибиряка), верований и мифологем, философских концепций и идеологических установок. Некоторые составляющие этой

конструкции (в том числе исключительное отношение к некой территориальной единице не в силу ее объективных преимуществ, а потому что именно здесь твое место рождения, хотя ты давно уже живешь в другом месте) никак не могут быть обеспечены исключительно рационалистической логикой, а значит, требуют использования вненаучных средств формирования.

Высказанные соображения позволяют увидеть закономерность возобновления даже наиболее архаичных – мифологических – компонентов в конструировании городской идентичности. Гипотетически мифомышление противоречит самому принципу рационального модернистского уклада городской жизни; на практике же отмечается, что «логика мифа, несмотря на отсутствие эффективной общей мифологии, сохраняет свое влияние на отдельного горожанина» [Горнова 2011, 65]. Подчеркнем, что речь идет не о расширительной трактовке мифологии как ложного сознания вообще – имеется в виду специфическая логика того способа понимания мира, который был сформирован в первичной мифологии и сохранил свои основные черты даже в третичной ее модификации. Когда мы говорим о современной мифологии, подразумевается воспроизводство в современном массовом сознании некоторых когнитивных схем, характерных для этого способа.

Функции мифологии в познании определяются специфическими задачами, которые эти схемы решают эффективнее, чем рационалистическая логика. Представляется, что первоочередное значение для конструирования образа города имеют следующие характеристики мифомышления. Во-первых, мифология – антропоморфная система описания и объяснения объектов, за каждым значимым явлением природной и социальной реальности с ее точки зрения стоит олицетворяющая это явление сущность, наделенная человеческими чертами. Соответственно мифология создает человекообразность гносеологического образа, персонифицируя объект и тем самым делая более личностным отношение к нему; в тех случаях, когда объект не обладает реальными личностными характеристиками, а персонифицированное отношение к нему востребовано, мифология практически незаменима. Мифология сохраняет то изначальное отношение человека к познаваемому им миру, о преимуществе которого (в противовес всем имеющимся недостаткам) перед наукой Н. Ф. Федоров написал: «Ученые вне себя ничего себе подобного не находят, а только вещи, неученые же и в самих вещах находят душу» [Федоров 1982, 205]; возможность «найти душу» города, таким образом, реализуется через мифологизацию его образа.

Во-вторых, мифология основана на прецедентном детерминизме: в ее представлении существующий порядок вещей определен не столько универсальными закономерностями, сколько – в отдельности для каждого случая – происшедшими в прошлом уникальными событиями, формирующими определенный обычай, традицию, ритуал. Соответственно история о таком первичном прецеденте в рамках мифологического мышления рассматривается как достаточное объяснение и обоснование социального факта, что также ценно в ситуации недоступности иных оснований. В результате мифологемы в конструировании городской идентичности не только служат средством очеловечивания городской среды, обеспечивая возможность личностного ее восприятия и – на этой основе – эмоционального принятия, но и обеспечивают относительную полноту картины мира, удовлетворяя «каузальный инстинкт».

В-третьих, можно отметить особую роль, которая отводится в мифологическом мышлении процедуре именования. Конечно, о важности имени говорит не только миф. Но именно в мифологическом мышлении с его символизмом, с его слитостью конкретного и всеобщего акцентируется значение имени как важнейшего фактора бытия объекта. С точки зрения мифологии найти подлинное имя означает получить власть над объектом, изменить имя – это способ изменить его судьбу: сравним это с рационалистическим взглядом, согласно которому «именованием вещи еще ничего не сделано» [Витгенштейн 1994, 103]. Соответственно в жизни города вопрос о названиях улиц, площадей, важных объектов неявно включает в себя мифологическую установку, предполагая, что название само по себе определит их роль в городской среде; это способ осуществить действие в условиях нехватки или неясности иных, более прагматичных способов, несущее в себе убеждение в том, что на самом деле это действие тоже вполне прагматичное.

Тезис о функциональной дополнительности видов познания в построении образа «своего города» косвенно подтверждается вариативностью соотношения компонентов образа в различных случаях. В городах с давней историей, где сохранились памятники культуры, архитектурные достопримечательности, с которыми связаны жизни выдающихся соотечественников, сами эти факторы становятся фундаментальными основаниями для формирования образа города и отношения к нему. Ту же роль могут выполнять яркие особенности климата, окружающей природы, местоположения (например, «город за Полярным кругом» или «город-порт»). Конструирование «экзистенциальной парадигмы города» [Горнова

2011, 47] в этом случае опирается на его объективные характеристики, и в нем велика роль научных (исторических, культурологических) знаний, а также – очень часто – художественного компонента (поскольку за долгую историю он, скорее всего, неоднократно становился объектом художественного дискурса). Но в отсутствие подобных ярко выделяющих и маркирующих город черт он все равно должен быть принят населением в качестве «своего города»; в этом случае происходит усиление внерациональной, в том числе мифологической составляющей его образа.

Рассмотрим в качестве примера ситуацию конструирования городской идентичности для жителя Новосибирска. Этот мегаполис называют «сибирским Чикаго», подразумевая под этим практически не имеющие других прецедентов темпы развития – от основания города до достижения статуса города-миллионера прошло около 70 лет. Соответственно самым древним историческим достопримечательностям Новосибирска не более ста лет, большинство зданий, составляющих культурное наследие, – это памятники конструктивизма 30-х гг. XX в., самые известные жители города – это герои советской и постсоветской эпохи и т. д. Сознанию, выстраивающему образ города, элементарно не хватает опорных точек, «глубины веков», которая смотрела бы на горожан со шпилей и башен. Самим своим существованием город обязан чисто техническому решению – выбору наиболее удобного места для строительства моста через Обь при сооружении Транссибирской магистрали. П. Вайль в «Карте Родины» обращает внимание на местное сокращенное название города – «Н-ск» – и интерпретирует его так: это «город N», «город (мегаполис) вообще», без ярко выраженного «лица», индивидуальности. Проблемы, возникающие в этой связи с неформальной идентификацией горожанином себя в качестве его жителя, усугубляются тем обстоятельством, что Новосибирск – город с высокой миграционной текучестью. При общей численности населения примерно в 2 млн. человек в последние несколько лет ежегодно около 52 тыс. человек приезжает на жительство и около 48 тыс. уезжает¹, а в его истории были периоды и значительно больших миграционных потоков. Для достаточно большой части проживающих город выступает как стартовая площадка или перевалочный пункт на пути в Москву, в Европу, в теплые края и т. д.; таким образом, идентичность для многих городских жителей не

¹ Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области, 2019 (URL: http://novosibstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/novosibstat/ru/statistics/population/).

имеет и такого естественного основания, как признание Новосибирска своей «малой Родиной».

В этих условиях существенно возрастает значение мифологем в конструировании городской идентичности. Представляется возможным выявить использование всех указанных выше направлений и приемов мифологизации образа города как в массовом сознании, так и в официальной риторике. Во-первых, это персонификация момента возникновения города посредством усиления фигуры демиурга – личности, создающей по собственной воле и самостоятельным решением новый социальный мир. В истории Новосибирска знаковых фигур такого плана две: Н. Г. Гарин-Михайловский, принявший решение о строительстве моста при прокладке Транссиба в том месте, где впоследствии возник Новосибирск (единоличный характер этого решения, а иногда и его авторство историками оспаривается), и М. А. Лаврентьев, оставшийся в устной городской истории человеком, опять-таки фактически в одиночку создавшим Академгородок и определившим принципы его жизни. Во-вторых, это целенаправленное создание знаковых мест с последующим приписыванием им истории: в «городских легендах» конструируются те самые изначальные мифологические прецеденты, которые как будто нашли свое воплощение в ныне существующих объектах. Например, обычные произведения городской скульптуры интерпретируются при таком подходе как памятники реальным людям и в связи с реальными событиями. Обрастают мифологемами объекты, и без того составляющие лицо города: две самые широко известные достопримечательности Новосибирска – это Оперный театр и Академгородок, и с каждым из них связан целый спектр мифов, умножающих их неординарность и значимость. Оперный театр имеет сложную конструкцию (первоначально при его строительстве предполагалось, что он будет совмещать в себе также функции цирка, планетария, арены для водных шоу и др.); в мифах он устроен еще более сложно: например, предполагается, что под ним есть подземное озеро, а из подвалов имеется вход в резервный бункер правительства. Академгородок – знаменитый центр научных разработок; существует много легенд о его секретных лабораториях, о разнообразных опасных экспериментах и связанных с ними трагедиях, в том числе о тайном подземном ходе, соединяющем секретные лаборатории Академгородка с уединенным островом на Обском море, с соответствующими свидетельствами очевидцев, наблюдавших на этом острове появление танков, монстров, хищных деревьев и т. д. (большое количество таких историй собрано в [Маранин 2011]).

Ил. 1. Памятник первому городскому мосту

Наконец, в Новосибирске существует собственная история именования и переименования и города, и городских улиц. Новосибирск первоначально носил имя Новониколаевска и был переименован в 1926 г.; при выборе нового наименования обсуждались варианты «Обск» и «Краснообск», ряд предложений был связан с именами деятелей революции, начиная с Ульяновска (разъяснение, что больше прав на это имеет Симбирск, было дано ВЦИК) и включая именования в честь местных партийных организаторов – Смирновск, Лашевич, Яковлевск, Петуховск, рассматривались «Большевик» и «Пионерград», революционный топоним-аббревиатура «Ревкрайсиб», но утвердилось в итоге самое простое из предложенных и относительно нейтральное наименование. Переименование улиц проходило типичными для страны волнами: в 20-е гг. переименовывали улицы, получившие названия (главным образом религиозные – Покровская, Воскресенская, Троицкая, Спасская) до революции; в это же время главный проспект города, Николаевский, стал Красным. В 30-е гг. прошли вторичные переименования в ходе борьбы с «врагами народа»: улица Бухарина стала улицей Молотова, Ежова – улицей Салтыкова-Щедрина и т. д. В следующий раз улицы массово переименовывались после указа 1957 г. о присвоении городским объектам имен выдающихся деятелей только после их смерти. А вот перестроечная волна десоветизации названий Новосибирск практически не затронула, были произведены только точечные и бесспорные изменения, при этом обычно

выбирались наиболее компромиссные варианты. Так, при обсуждении вопроса о переименовании площади Свердлова в площадь Крячкова, самого знаменитого новосибирского архитектора, ее и сформировавшего, советское название площади было сохранено, но часть ее была преобразована в сквер Крячкова. На многих улицах, также сохранивших прежние названия, были установлены дополнительные таблички с историческими наименованиями. Этот вариант получил поддержку горожан, причем рефреном обсуждения темы на городских форумах была мысль, сформулированная одним из участников следующим образом: «Так становится видно, что у нашего города есть хоть какая-то история». Внимание к именам послужило в данном случае способом конструирования именно истории города, и она в контексте формирования образа города и городской идентичности его жителей оказалась более востребованной, чем социальная память о недавнем прошлом.

Ил. 2. Уличная табличка

По определению И. Г. Яковенко, основная идея понятия идентичности заключена в латинском термине, от которого он происходит – «idem», т. е. «то же» [Яковенко 2004, 28]. Для человека идентичность – это возможность утверждать, что в некотором отношении он «тот же», что и представители какой-то социальной общности, которая для него значима; это присоединение к сообществу, реализующее человеческую потребность в «принадлежности к Мы». Фундаментальный характер этой потребности заставляет нас выстраивать отношения личного взаимодействия в том числе и с такими структурами, как место бытия – пребывать в безразличном,

не нагруженным смыслами пространстве для человека проблематично. В этой связи участие ценностных видов познания в конструировании идентичности представляется неотъемлемой частью нашей человечности.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Витгенштейн 1994 – *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994. С. 75–320.
- Горнова 2011 – *Горнова Г. В.* НОМО URBANUS: антиномии и конфликты городской жизни в типах горожан. Омск: Изд-во «Амфора», 2011. 124 с.
- Ильин, Кураев 2009 – *Ильин В. В., Кураев В. И.* Плюрализм // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+, 2009. С. 701.
- Маранин 2011 – *Маранин И.* Мифосибирск: Мифы, тайны, байки и реальные истории о Новосибирске. Новосибирск: Изд-во «Свиный и сыновья», 2011. 228 с.
- Федоров 1982 – *Федоров Н. Ф.* Философия общего дела. М.: Мысль, 1982. 709 с.
- Яковенко 2004 – *Яковенко И. Г.* Базовые идентичности и социокультурные основания их трансформации: факторы, тренды, сценарии // Мир психологии. М., 2004. № 2. С. 28–37.

Материал поступил в редакцию 11.09.2019

Материал поступил в редакцию после рецензирования 28.04.2020